Ганс Христиан Андерсен

Дева льдов

I. РУДИ

Заглянем-ка в Швейцарию, в эту дивную горную страну, где по отвесным, как стены, скалам растут темные сосновые леса. Взберемся на ослепительные снежные склоны, опять спустимся в зеленые равнины, по которым торопливо протекают шумные речки и ручьи, словно боясь опоздать слиться с морем и исчезнуть. Солнце палит и внизу, в глубокой долине, и в вышине, где нагромождены тяжелые снежные массы; с годами они подтаивают и сплавляются в блестящие ледяные скалы или катящиеся лавины и громоздкие глетчеры. Два таких глетчера возвышаются в широком ущелье под «Шрекгорном» и «Веттергорном», близ горного городка Гриндельвальда. На них стоит посмотреть; поэтому в летнее время сюда наезжает масса иностранцев со всех концов света. Они переходят высокие, покрытые снегом горы, или являются снизу из глубоких долин, и тогда им приходится взбираться ввысь в продолжение нескольких часов. По мере того, как они восходят, долина опускается все глубже и глубже, и они смотрят на нее сверху, точно из корзины воздушного шара. В вышине над ними, на горных выступах виснут тяжелыми, плотными, дымчатыми занавесями облака, а внизу в долине, где разбросаны бесчисленные темные деревянные домики, еще светит солнце, и залитый его лучами зеленый клочок земли выделяется так ярко, что кажется почти прозрачным. Внизу воды шумят, бурлят и ревут, в вышине же мелодично журчат и булькают; ручейки вьются здесь над скалами, точно серебряные ленты.

По обеим сторонам дороги, ведущей вверх, расположены бревенчатые дома; при каждом — картофельный огородик; тут это необходимо: в каждом домике масса ртов, целая куча ребят, а они-то есть мастера. И ребятишки ежедневно высыпают на дорогу и обступают туристов, и пеших, и приехавших в экипажах. Вся эта толпа малышей торгует изящно вырезанными из дерева домиками, моделями настоящих здешних домов, и другими безделушками. Малыши не смотрят на погоду — и в дождь, и в солнце они одинаково на своих местах.

Лет двадцать тому с небольшим постаивал тут иногда, но всегда в сторонке от других детей, один маленький мальчуган. Он тоже выходил торговать, но стоял всегда с таким серьезным личиком и так крепко сжимал в руках корзинку с товарами, как будто ни за что не желал расставаться с ними. Именно эта серьезность крохотного мальчугана и привлекала на него общее внимание. Его подзывали, и он почти всегда торговал счастливее всех своих товарищей, сам не зная почему. Повыше, на горе, жил его дедушка, который и вырезывал все эти изящные, прелестные домики. В хижине у них стоял старый шкаф, битком набитый разными резными вещицами; там были и орешные щелкуны, и ножи, и вилки, и ящики, украшенные затейливой резьбой: завитушками, гирляндами и скачущими сернами. У любого ребенка разбегались бы глаза, но Руди — так звали мальчика — больше заглядывался на старое ружье, подвешенное к потолку. Дедушка сказал мальчику, что ружье будет со временем его, но не раньше, чем он подрастет и окрепнет настолько, что сумеет справляться с такой вещью.

Как ни мал был Руди, ему уже приходилось пасти коз, и если уметь лазать, как козы, значит быть хорошим пастухом, то Руди был отличным. Он лазал даже повыше коз, взлезал за птичьими гнездами на самые высокие деревья. Большой смельчак был Руди, но улыбку на его лице видали лишь в те минуты, когда он прислушивался к шуму водопада или грохоту лавины. Никогда не играл он с другими детьми и сходился с ними, лишь когда дедушка высылал его продавать разные безделушки, что Руди не особенно-то было по вкусу. Он больше любил карабкаться один по горам или сидеть подле деда и слушать его рассказы о старине и о народе, живущем вблизи, в Мейринге, откуда он сам был родом. Народ этот не жил тут с сотворения мира, рассказывал дедушка, но пришел сюда с севера, оставив там своих родичей, шведов. Такие сведения обогащали ум Руди, но

он получал сведения и иным путем — от домашних животных. У них была большая собака по имени Айола, принадлежавшая еще покойному отцу Руди, и кот. Последний-то и играл в жизни Руди особенно важную роль — он выучил мальчика лазать.
«Пойдем со мной на крышу!» — говаривал кот самым ясным, понятным языком. Дитя, еще не умеющее говорить, отлично ведь понимает и кур, и уток, и кошек, и собак; они говорят так же понятно, как и папаша с мамашей, но чтобы понимать их, надо быть очень, очень маленьким! Тогда и дедушкина палка может заржать, стать лошадью, настоящей лошадью с головой, ногами и хвостом! Иные дети утрачивают такую понятливость позже, чем другие, и слывут поэтому неразвитыми, отставшими; о них говорят, что они чересчур долго остаются детьми. Мало ли что говорят!
«Пойдем со мной на крышу, Руди!» — вот первое, что сказал кот, а Руди понял. «Говорят, что можно упасть, — вздор! Не упадешь, если не будешь бояться! Иди! Одну лапку сюда, другую сюда! Упирайся передними лапками! Гляди в оба! И будь половчее! Встретится расщелина — перепрыгни, да держись крепко, как я!»
Руди так и делал; оттого он часто и сиживал рядом с котом на крыше, но сиживал и на верхушках деревьев и высоко на уступе скалы, куда даже кот не забирался.
«Выше! Выше! — твердили деревья и кусты. — Видишь, как мы лезем вверх, как крепко держимся, даже на самом крайнем, остром выступе!»
И Руди часто взбирался на гору еще до восхода солнца и пил там свое утреннее питье — свежий, крепительный горный воздух, питье, которое может изготовлять лишь сам Господь Бог, а люди только могут прочесть его рецепт: «свежий аромат горных трав да запах мяты и тмина, растущих в долинах». Все тяжелые частицы воздуха впиваются облаками, которые ветер расчесывает потом гребнем сосновых лесов, и вот воздух становится все легче, все свежее! Так вот какое питье пил Руди по утрам.
Солнечные лучи, благодатные дети солнца, целовали Руди в щечки, а Головокружение стояло на стороже, но не смело приблизиться. Ласточки же, жившие под крышей дедушкиного дома, — там лепилось по крайней мере семь гнезд, — вились над Руди и его стадом и щебетали: «Вы и мы! Мы и вы!» Они приносили Руди поклоны из дому, между прочим даже от двух кур, единственных птиц в доме, с которыми Руди, однако, не водился.
Как ни мал он был, ему уже доводилось путешествовать на своем веку, и неблизко для такого малыша. Родился он в кантоне Валлис, по ту сторону гор, и был перенесен сюда еще годовалым ребенком. А недавно он ходил пешком к водопаду Штаубаху, который развевается в воздухе серебряной вуалью перед лицом вечно снежной, ослепительно белой Юнгфрау. Побывал Руди и на большом Гриндельвальдском глетчере, но с этим связана грустная история! Мать его нашла там себе могилу; там же, по словам деда, маленький Руди потерял свою детскую веселость. Когда мальчику не было еще года, он больше смеялся, чем плакал, писала о нем деду мать, но с тех пор, как ребенок полежал в ледяном ущелье, он словно переродился душевно. Дед не любил много говорить об этом происшествии, но все соседи знали о нем.
Отец Руда был почтальоном; большая собака Айола постоянно сопровождала его в переходах через Симплон к Женевскому озеру. В долине Роны, в Валлийском кантоне, и теперь еще жили родственники Руди по отцу. Дядя его был отважным охотником за сернами и известным проводником. Руди было всего год, когда отец его умер, и матери захотелось переселиться с ребенком к своим родным в Бернский Оберланд. Недалеко от Гриндельвальда жил ее отец, занимавшийся резьбой по дереву и с избытком зарабатывавший себе на прожиток. Пустилась она с ребенком в путь в июне, вместе с двумя охотниками за сернами. Путники уже прошли наибольшую часть дороги, перебрались через гребень горы на снежную равнину, и молодая женщина уже видела

перед собою родную долину с разбросанными по ней знакомыми домиками; оставалось только одолеть еще одну трудность — перейти большой глетчер. Недавно выпавший снег прикрыл расщелину, хоть и не проникавшую до самого дна пропасти, где шумела вода, но все же довольно глубокую. Молодая женщина, несшая на руках ребенка, поскользнулась, провалилась в снег и исчезла. Спутники не слышали даже крика, услышали только плач малютки. Прошло больше часа, пока им удалось принести из ближайшей хижины веревки и шесты, с помощью которых с большими усилиями и извлекли из расщелины — два трупа, как им показалось сначала. Были пущены в ход все средства, и ребенка удалось вернуть к жизни, но мать умерла. Старый дедушка принял в дом вместо дочери только внука, ребенка, который прежде больше смеялся, чем плакал, а теперь, казалось, совсем разучился смеяться. Перемена эта произошла в нем, верно, оттого, что он побывал в расщелине глетчера, в холодном ледяном царстве, где — по поверью швейцарских крестьян — осуждены томиться души грешников до дня Страшного суда.

Словно быстрый водопад, застывший в воздухе неровными зеленоватыми стеклянными глыбами, блещет глетчер; одна ледяная скала громоздится на другую. А в глубине пропастей ревут бурные потоки, образовавшиеся из растаявшего снега и льда.. Глубокие ледяные пещеры и огромные ущелья образуют там диковинный хрустальный дворец — обиталище Девы Льдов, королевы глетчеров. Губительная, уничтожающая дева — наполовину дитя воздуха, наполовину могущественная повелительница вод. Она перелетает с одного острого ледяного уступа горных вершин на другой с быстротой серны, тогда как смелейшие горные проводники должны вырубать себе здесь во льду ступеньки. Она переплывает ревущие потоки на тонкой сосновой веточке, перепрыгивает со скалы на скалу, причем ее длинные, белые, как снег, волосы и зеленовато-голубое, блестящее, как воды альпийских озер, платье развеваются по ветру.

— Раздавлю, уничтожу! Здесь мое царство! — говорит она. — У меня украли прелестного мальчика; я уже отметила его своим поцелуем, но не успела зацеловать до смерти. Теперь он опять между людьми, пасет коз на горах, карабкается вверх, все вверх, хочет уйти от других, но от меня ему не уйти! Он мой, я доберусь до него!

И она просила Головокружение помочь ей: самой ей становилось летом слишком душно среди горной растительности, где благоухает мята. Головокружения же носятся тут целой стаей: их ведь много сестер. Дева Льдов и выбрала из них самую сильную, властную и в домах, и на вольном воздухе. Головокружения сидят по перилам лестниц и по перилам башен, бегают белками по краю скал, спрыгивают, плывут по воздуху, как пловцы по воде, и заманивают своих жертв в пропасть. И Головокружение и Дева Льдов хватают людей, как полипы хватают все, что мимо них проплывает. Так вот Головокружению-то Дева Льдов и поручила поймать Руди.

— Да, поди-ка поймай его! — сказало Головокружение. — Я не могу! Дрянной кот обучил его всем своим штукам! Ребенка этого охраняет какая-то сила, что отталкивает меня. Я не могу схватить этого мальчишку, даже когда он висит, зацепившись за ветку, над пропастью, а уж как бы мне хотелось пощекотать его под подошвами или спустить кувырком в воздух! Да нет, не могу!

— Вдвоем-то мы сможем! — говорила Дева Льдов. — Ты или я! Я, я!

— Нет! Нет! — зазвучало им в ответ, словно в горах раздалось эхо колокольного звона. Это пели хором другие духи природы, кроткие, любящие, добрые дети солнца. Они как венком окружают вечерней порой горные вершины, паря на своих распростертых розовых крыльях, пламенеющих по мере того, как солнце садится, все ярче и ярче. Люди называют это сияние гор альпийским заревом. Когда же солнце сядет, они взлетают на самую вершину и ложатся на снег спать до восхода солнца. Они больше всего любят цветы, бабочек и людей. Из последних же они избрали и особенно полюбили Руди.

— Не поймать вам его! Не поймать! — говорили они.

— Ловила я людей и постарше и посильнее! — отвечала Дева Льдов.
Тогда дети солнца затягивали песнь о путнике, с которого вихрь сорвал плащ. Оболочку только унес ветер, а не самого человека! Вы, дети грубой силы, можете схватить его, но не удержать! Он сильнее духов, даже сильнее нас! Он взбирается на горы выше солнца, нашей матери! Он знает слово, которое связывает ветер и воды, так что они должны служить и повиноваться ему!
Голоса их звенели в воздухе, словно колокольчики. И каждое утро светили солнечные лучи в единственное окошечко дедушкиного домика на тихого ребенка. Дети солнца целовали его; они хотели оттаять, согреть его щечки, стереть с них ледяные поцелуи владычицы глетчеров, которые она запечатлела на них в то время, как ребенок лежал в объятиях умершей матери, в глубокой ледяной расщелине, откуда спасся как бы чудом.

II. В НОВУЮ СЕМЬЮ
Руди исполнилось восемь лет. Дядя его по отцу, живший по ту сторону гор, в долине Роны, предложил взять мальчика к себе: у него ребенок мог лучше подготовиться зарабатывать себе средства к жизни. Дед понял это и согласился расстаться с внуком.
И Руди собрался в путь. Со многими приходилось ему прощаться, не считая дедушки, прежде всего со старушкой Айолой.
— Отец твой был почтальоном, а я почтовой собакой! — сказала она Руди. — Мы то и дело подымались в гору да спускались вниз; я знаю и собак и людей по ту сторону гор. Я неболтлива по природе, но теперь нам уж немного времени остается беседовать друг с другом, так я на этот раз дам волю языку. Расскажу я тебе историю, которая все бродит у меня в голове. Я ее никак не пойму, не поймешь и ты, да и не надо! Вывела же я из нее вот что: не всем собакам и не всем людям живется одинаково! Не всем суждено нежиться у господ на коленях да лакать молоко! Я к этакому житью не привыкла, но видела раз такую собачку. Она ехала в почтовом дилижансе, занимала пассажирское место! Дама, госпожа ее, или, вернее, та дама, чьею госпожою была сама собачонка, везла с собою бутылку молока и поила им собачку, кормила ее сладкими сухарями, а собачонка даже не изволила есть, только нюхала, и госпожа съедала их сама. А я бежала по грязи рядом с почтовой каретой, голодная, как настоящая собака, и думала свою думу. «Не порядок!» — думала я, да мало ли о чем приходится сказать то же, если приглядеться ко всему хорошенько! Дай тебе Бог нежиться на коленях да ездить в карете, но зависит-то это не от нас самих! Мне вот, сколько я ни лаяла, не удалось этого добиться!
Вот что сказала Руди Айола, и мальчик обнял собаку за шею и поцеловал прямо в морду. Потом он взял на руки кота, но этот ощетинился.
— Теперь мы с тобой больше не товарищи, а царапать тебя я все-таки не хочу! Карабкайся себе по горам, как я тебя учил! Только не бойся, что упадешь, и — не упадешь никогда. — И кот убежал: ему не хотелось, чтобы Руди заметил, как он огорчен, а это так и светилось в его глазах.
Куры бегали по полу; одна была бесхвостая; какой-то путешественник, мнивший себя охотником, принял ее за хищную птицу да и отстрелил ей хвост.
— Руди-то собирается за горы! — сказала одна курица.
— У него вечно спешка! — сказала другая. — А я страсть не люблю прощаться! — И обе засеменили дальше.
С козами он тоже простился, и они жалобно заблеяли: «И мы-ы! И мы-ы!» — Очень это грустно было!
Случилось как раз, что двум известным проводникам из окрестности понадобилось побывать по ту сторону гор; с ними-то и отправился Руди пешком. Это был большой переход для такого малыша, но Силы у него были, смелости тоже не занимать было.

Ласточки проводили их недалеко, распевая: «Вы и мы! Мы и вы!»
Дорога шла над быстрой Лючиной, которая разбивается здесь на множество мелких потоков и быстро несется вниз из черного ущелья Гриндельвальдского глетчера. Вместо мостов служат тут перекинутые с одного берега на другой деревья и каменные глыбы. Вот путники достигли Эллернвальда и стали подыматься вверх, как раз неподалеку от того места, где глетчер уже отделился от каменистой почвы горы. Дальше пошли по самому глетчеру, то шагая прямо по ледяным глыбам, то обходя их. Но Руди и ходок был хороший, и карабкаться мастер. Глаза его так и блестели от удовольствия, и он так твердо ступал своими крепкими ногами, обутыми в подкованные башмаки, точно хотел отпечатать по дороге свои следы. Черный землистый осадок, оставленный горными потоками, придавал глетчеру вид покрытого штукатуркой, из-под которой проглядывал местами зеленовато-голубой хрустальный лед. То и дело приходилось обходить маленькие пруды, образовавшиеся между нагроможденными одна на другую ледяными глыбами. Встретился им также по пути огромный камень, качавшийся на краю расщелины; вдруг он потерял равновесие и с грохотом покатился вниз; эхо гулко прокатилось по глубоким горным ущельям. Путники все подымались да подымались. Сам глетчер напоминал бурно разлившуюся и внезапно застывшую беспорядочно нагроможденными одна на другую ледяными массами реку, сжатую между отвесными скалами. Руди вспомнилось на минуту, как он, по рассказам, лежал вместе с матерью в глубине одной из этих дышащих холодом расщелин. Но затем мысли его приняли другой оборот, — история эта была для него не диковиннее всех остальных, слышанных им в таком изобилии. В иных местах, где, по мнению спутников Руди, такому мальчугану трудно было карабкаться вверх, они протягивали ему руки, но он отказывался от помощи, говоря, что не устал, и держался на скользкой ледяной поверхности, как серна. Путники шли то по обнаженным скалам, то пробирались между огромными голыми камнями, то по низенькому сосновому кустарнику, то опять шли по зеленой траве; природа вокруг них все менялась, рисуя им все новые и новые виды. Кругом подымались снежные горы, которые знает тут каждый ребенок: «Юнгфрау», «Менх» и «Эйгер». Никогда еще не случалось Руди взбираться на такую высоту, где расстилалось безбрежное снежное море. В самом деле, куда ни взглянешь — всюду неподвижные снежные волны, с которых ветер как будто срезал верхушки и разбросал их по сторонам отдельными пенистыми клочьями. Глетчеры стояли тут такой тесной толпой, словно хороводы водить собирались, если можно так выразиться. И каждый глетчер являлся хрустальным дворцом Девы Льдов; здесь ее царство; ее воля здесь закон! А воля ее — губить людей. Солнце светило ярко, снег сверкал ослепительной белизной и казался усеянным голубоватыми блестящими бриллиантиками. Мертвые насекомые, преимущественно бабочки и пчелы, валялись на снегу массами; они отважились подняться слишком высоко — а может быть, их занесло в это безжизненное царство холода ветром — и погибли. На Веттергорне висело что-то вроде тонко расчесанного черного клочка шерсти — грозное облако. Оно опускалось все ниже и ниже; что оно предвещало? Ураган — фен, как называют здесь ужасный южный ветер. Впечатления этого путешествия навсегда врезались в память Руди: и ночлег в горах, и подъем, и глубокие ущелья, в которых вода точила каменные глыбы с незапамятных времен.
Покинутая каменная постройка, по ту сторону снежного моря, дала путникам приют на ночь. Они нашли тут древесный уголь и сосновые ветви. Запылал костер, путники устроились на ночь как могли удобнее. Оба проводника уселись возле огня, курили трубки и потягивали из кружек теплое, пряное питье, которое сами приготовили. Руди тоже получил свою порцию и сидел, прислушиваясь к рассказам о таинственных существах, населяющих Альпы, о диковинных, гигантских змеях, живущих в глубоких озерах, о ночных привидениях, переносящих сонных людей по воздуху в дивный плавучий город Венецию, о диком пастухе, пасущем своих черных овец на горных

пастбищах. Если никому никогда и не удавалось увидать их, то, по крайней мере, часто слышали звон колокольчиков и отдаленное дикое блеяние стада. Руди с любопытством, но без всякого страха — его он не знавал — стал прислушиваться, и вдруг ему почудилось, что он действительно слышит это таинственное, глухое блеяние... Да, оно слышалось все явственнее и явственнее! Мужчины тоже услышали его, смолкли, прислушались и сказали Руди, чтобы он постарался не засыпать.

Это начался фен — дикий ураган, который несется с гор в долины и в своем неистовстве ломает деревья, как тростинки, переносит с одного берега рек на другой целые хижины, словно шахматные фигурки.

Прошел час, проводники сказали Руди, что теперь все кончилось и он может уснуть. Усталый мальчуган заснул, как по приказу.

Рано утром опять пустились в путь. В этот день солнце осветило для Руди новые, незнакомые ему горы, глетчеры и снежные равнины. Они уже вступили в кантон Валлис, перевалив через горный хребет, который виднелся из Гриндельвальда, но до нового жилища Руди было еще далеко. Иные ущелья, иные горные лужайки, леса и горные тропинки развертывались перед взором мальчика; показались иные дома, иные люди. И какие люди! Уроды, с жирными, желтыми лицами, с зобастыми шеями! Это были кретины. Они еле таскали ноги и глупо посматривали на пришельцев. Особенным безобразием отличались женщины. Такие ли люди ждут Руди на его новой родине?

III. ДЯДЯ

Слава Богу! В доме своего дяди Руди увидал таких же людей, к каким привык на родине. Тут был всего-навсего один кретин, слабоумный бедняга Саперли. Бедные создания эти распределены в кантоне Валлис по домам жителей и проводят в каждом по очереди месяца по два. Когда явился Руди, Саперли жил как раз у его дяди.

Дядя был еще сильный, ловкий охотник и, кроме того, бондарь по ремеслу. Жена его была маленького роста, но очень живая, подвижная женщина с каким-то птичьим лицом: глаза как у орлицы, шея длинная, покрытая пушком.

Все было тут ново для Руди — и одежда, и нравы, и обычаи, даже сам язык. Но ухо ребенка скоро освоилось с ним, и мальчик стал понимать окружающих. Все здесь указывало на достаток и благосостояние, куда большие, нежели знавал Руди в доме деда: горница, в которой помещалась семья, была гораздо просторнее, стены изукрашены рогами серн и отполированными ружьями, а над дверями висело изображение Божьей Матери, окруженное венком из свежих альпийских роз и освещенное лампадой.

Дядя слыл, как уже сказано, за отважнейшего охотника и лучшего проводника в окрестности. Руди скоро сделался баловнем семьи, хотя здесь и до него был уже таковой — старый пес. Он не годился больше ни на что, но когда-то был прекрасной охотничьей собакой. Хозяева помнили это и смотрели на него чуть ли не как на члена семьи, так что собаке жилось отлично. Руди первым делом погладил ее, но она не так-то скоро подружилась с «чужим», каким явился для нее Руди. Мальчик, впрочем, скоро пустил прочные корни в сердцах всех домашних.

— Не так-то уж худо у нас, в кантоне Валлис! — говаривал дядя. — Серны у нас еще водятся; они вымирают медленнее, чем каменные бараны. И в наши времена живется много лучше, чем в старину. Как там ни расхваливают ее, наше время все же лучше. В нашем мешке прорезали дырку, впустили в нашу замкнутую долину свежего воздуха! На смену старому, отжившему всегда является новое и лучшее! — Так говаривал дядя, а если уж очень разговорится, то расскажет, бывало, и о своих детских годах, и о той поре, когда еще был в цвете лет отец его. Вот в те-то времена, по его рассказам, Валлис и был «глухим мешком», набитым больными жалкими

кретинами. — Но вот явились французские солдаты. То-то были заправские доктора! Живо уничтожили болезнь, да и людей вместе. Да, они умели драться на разные лады! И девушки их умели не хуже! — И дядя, смеясь, подмигивал своей жене, француженке родом. — Французы так ударяли по камням, что камни поддавались! Они пробили в скалах Симплонский проход, проложили такую дорогу, что я могу сказать теперь трехлетнему ребенку: ступай в Италию, только держись проезжей дороги! — И дядя затягивал французскую песню и провозглашал «ура» Наполеону Бонапарту.

Тут Руди впервые услыхал о Франции и о Лионе, большом городе близ долины Роны, в котором дяде его случалось бывать.

В несколько лет из Руди должен был выработаться искусный охотник за сернами — задатки в нем для этого были, по словам дяди. И дядя принялся учить мальчика держать в руках ружье, прицеливаться и стрелять, брал его с собою на охоту и заставлял пить теплую кровь серны, чтобы не знавать головокружения. Учил он также племянника узнавать время, когда скатятся лавины в различных* частях гор — в полдень или вечером, смотря по тому, как действовали на них солнечные лучи; учил наблюдать за сернами и учиться у них прыгать: падать прямо на ноги и стоять твердо, а если на скалистом выступе не окажется опоры для ног, удерживаться локтями, пускать в дело каждый мускул в ляжках и икрах, впиваться в скалы, если понадобится, шейными позвонками! Серны умны и выставляют стражей, но охотник должен быть умнее их и заходить с подветренной стороны. И дядя умел-таки обманывать серн: вешал на свою альпийскую палку плащ и шляпу, и серны принимали чучело за человека. Эту штуку дядя и применил раз на охоте, в которой участвовал и Руди.

Горная тропинка была очень узка, можно даже сказать, что ее не было вовсе, а был лишь узкий карниз, лепившийся по краю скалы над пропастью. Снег, покрывавший его, наполовину растаял, камни осыпались под ногами; дядя растянулся во всю длину и пополз вперед на животе. Каждый камешек, отрывавшийся от скалы, падал, прыгал и катился вниз, перепрыгивая с уступа на уступ, пока не успокаивался в бездне. Руди остался стоять шагах в ста от дяди, на последнем прочном выступе скалы. Вдруг он увидел, что в воздухе парит над охотником огромный ягнятник, видимо, собиравшийся сбить ползущего червяка ударами крыльев в бездну и там пожрать его. А дядя не видел ничего, кроме серны да козленка, видневшихся по ту сторону ущелья. Руди зорко следил за птицей, он понял ее намерение и держал ружье наготове... Вдруг серна сделала скачок — дядя выстрелил, и животное было пронизано пулей; козленок же убежал, как будто всю жизнь свою только и делал, что спасался от погони. Огромная птица, испуганная выстрелом, улетела, и дядя только от Руди узнал о грозившей ему беде.

Веселые, довольные возвращались они домой; дядя насвистывал песенку, знакомую ему еще с детских лет; вдруг невдалеке послышался какой-то странный звук. Они оглянулись и увидели, что снежный покров отделяется от вершины горы, вздувается, точно широкий кусок холста от ветра, и несется вниз по склону. Хребты снежных волн трещали и ломались в куски, словно мраморные плиты, распускались в пену и бешено стремились вниз с грохотом, подобным раскатам грома. Это была лавина, катившаяся хоть и не прямо на Руди и его дядю, но близко-близко.

— Держись крепче, Руди! — закричал дядя. — Изо всех сил!

И Руди схватился за ближайший древесный ствол; дядя вскарабкался на одну из ветвей и тоже держался крепко. Лавина катилась в нескольких саженях от них, но ураган, поднявшийся вокруг, ломал в щепки кусты и деревья, как тонкие тростинки, и разбрасывал их во все стороны. Руди был брошен на землю; ствол, за который он держался, как будто перепилили, и вершину дерева отбросило далеко в сторону. Между изломанными ветвями лежал дядя с раздробленной головой; рука его была еще тепла, но лицо неузнаваемо. Руди стоял над ним бледный, дрожащий. Это был

первый страшный испуг в его жизни; тут он впервые пережил час ужасной опасности.
Ранним вечером принес он весть о смерти дяди в его дом, который отныне становился домом печали. Тетка стояла без слез, не говоря ни слова, и только когда труп принесли, горе ее вырвалось наружу. Бедный кретин заполз в свою постель, и целый день его не было видно нигде; только вечером он подошел к Руди.
— Напиши мне письмо! Саперли не умеет! Саперли отнесет его на почту!
— Письмо? — переспросил Руди. — От тебя? Кому?
— Господу Христу!
— Кому?!
Идиот, как они звали кретина, посмотрел на Руди глазами, полными слез, сложил руки и набожно, торжественно произнес:
— Иисусу Христу! Саперли хочет послать Ему письмо, попросить Его, чтобы умер Саперли, а не хозяин!
Руди пожал ему руку.
— Письмо не дойдет! Оно не вернет нам дядю!
Но трудно было Руди объяснить кретину, почему это невозможно.
— Теперь ты опора дома! — сказала тетка, и Руди стал ею.

IV. БАБЕТТА
Кто первый стрелок в кантоне Валлис? Спроси у серн, они знают. «Берегись Руди!» — сказали бы они. А кто первый красавец? «Руди!» — сказали бы девушки, но они не говорили: «Берегись Руди!» Не говорили этого и степенные матушки: он кланялся им так же приветливо, как и молоденьким дочкам. Да, красивый он был парень! Смелый, веселый, смуглый, с белыми блестящими зубами и черными, как уголь, сверкающими глазами. И всего-то ему было двадцать лет! Он не боялся купаться в холодной воде, плавал, как рыба, карабкался по горам, как никто, лепился к отвесным скалам не хуже улитки — мускулами и жилами он похвалиться мог. Прыгать он тоже умел; первым его учителем был ведь кот, а потом серны. Лучшим, надежнейшим проводником тоже считался Руди, и этим занятием он мог бы составить себе целое состояние. Бондарным же ремеслом, которому также научил его дядя, он не занимался: его страстью была охота за сернами, но и это занятие приносило доходы. Руди считался поэтому хорошей партией для любой девушки; только бы он не занесся слишком высоко! Отличался он и в танцах, да так, что о красавце танцоре бредили и во сне, и наяву все девушки.
«А меня он поцеловал во время танцев!» — сказала дочка школьного учителя Аннета своей лучшей подруге. Такие вещи трудно ведь хранить про себя: они так вот сами и бегут с языка, как песок из дырявого мешка! Скоро все узнали, что скромник Руди целуется на танцах, а он хоть и поцеловал, да не ту, которую ему больше всего хотелось.
— Ишь его! — сказал один старый охотник. — Он поцеловал Аннету! Начал с буквы А и, верно, перецелует всю азбуку!
Один поцелуй на танцах — вот и все; больше болтать о Руди было нечего. Но он хоть и поцеловал Аннету, а сердце его было занято не ею.
Возле города Бэ, в тени ореховых деревьев, на берегу быстрого горного потока, жил богатый мельник. Занимал он большой дом, в три этажа, с маленькими башенками, обшитый тесом и крытый жестяными листами, так и горевшими при солнечном и лунном свете. На самой большой башне флюгером служило яблоко, пронзенное блестящей стрелой — в память о выстреле Вильгельма Телля. Мельница тоже смотрелась такой нарядной и красивой, что так и просилась на картинку или в описание. Но дочку мельника нельзя было ни нарисовать, ни описать. Так по

крайней мере сказал бы Руди, и все-таки образ ее был нарисован в его сердце. Глазки ее зажгли в нем целое пламя, и вспыхнуло оно вдруг, внезапно, как вспыхивает и всякий пожар. Удивительнее же всего было то, что сама-то дочка мельника, красотка Бабетта, и не подозревала о пожаре, который зажгла: дай Бог, чтобы она обменялась с Руди парой слов!

Мельник был богат, и потому Бабетта сидела очень высоко! Но нет такой высоты, на которую бы нельзя было взобраться, думалось Руди. Надо карабкаться да не думать о том, что упадешь, и не упадешь! Этой мудростью он запасся еще в доме у дедушки.

И вот Руди понадобилось побывать в Бэ, а туда было не близко — целое путешествие! Железной дороги в то время еще не существовало. От Ронского глетчера до подножия Симплонской горы, между многочисленными и разнообразными горными высотами, тянется широкая Валлийская долина; по ней несется могучая река Рона, которая часто выходит из берегов и катит свои волны по полям и дорогам, разрушая на своем пути все. Между городами Сионом и С. Морисом долина делает изгиб и близ самого С. Мориса становится до того узкой, что на ней только и остается место для русла реки да для узкой проезжей дороги. Ветхая сторожевая башня кантона Валлис, который здесь оканчивается, стоит на горном склоне и смотрит через каменный мост на таможню, что на другом берегу. Там уже начинается кантон Во, и ближайший город тут — Бэ. Тут путник вступает в роскошную плодородную область: идешь точно по саду, усаженному каштанами и ореховыми деревьями; там и сям подымаются кипарисы и гранатовые деревья; здесь совсем юг, словно попал в Италию.

Руди добрался до Бэ, уладил свои дела, потом стал разгуливать по городу, присматриваясь к людям, но увы! Ему не встретился даже ни один работник с мельницы, не то что сама Бабетта. Не того он ожидал!

Свечерело, воздух был напоен благоуханием тмина и липового цвета; на поросшие зелеными лесами горы была как будто наброшена сияющая голубоватая дымка; стояла тишина, но не сонная или мертвая, нет! Вся природа как будто притаила дыхание, притихла, словно позируя перед голубым небесным сводом, на котором должна была появиться ее фотография. Там и сям среди деревьев и по зеленому полю возвышались столбы, поддерживавшие телеграфную проволоку, проведенную через эту тихую долину. К одному из этих столбов прислонился какой-то предмет, до того неподвижный, что его можно было принять за обрубок дерева, но это был Руди. Он стоял, не шевелясь, затаив дыхание, как и все окружающее. Он не спал и подавно не умер, но, как по телеграфной проволоке часто пробегают известия о великих мировых событиях или о жизненных моментах, полных значения для какого-нибудь отдельного человека, а сама проволока не выдает этого ни малейшим колебанием, так и в мозгу Руди проносились мысли, мощные, всепоглощающие мысли о счастье всей его жизни, ставшие отныне его постоянными мыслями, сам же он оставался неподвижным. Глаза его были прикованы к одной точке, к огоньку, мелькавшему между листвою деревьев; он горел в светелке мельниковой дочки. Глядя на неподвижного Руди, можно было подумать, что он прицеливается в серну, но он сам в эту минуту был серной; серна тоже стоит иногда на одном месте, будто изваянная из скалы, и вдруг внезапно, услыхав шум от скатившегося камня, делает прыжок и мчится прочь. То же было и с Руди, но его заставила встрепенуться мысль.

«Никогда не надо падать духом! — сказал он самому себе. — Надо прямо отправиться на мельницу! Поздороваться с мельником и Бабеттой! Не упадешь, если сам о том не думаешь! Должна же Бабетта увидеть меня, раз я буду ее мужем!»

И Руди засмеялся, ободрился и пошел на мельницу; он знал, чего хотел, а хотел он жениться на Бабетте.

Желтоватая вода шумно бежала по своему руслу; к ней свесились ветвями ивы и липы; Руди прошел по тропинке, но, как и тот добрый молодец, о котором поется в детской песенке:

К дому мельника пришел,
Никого там не нашел,
Кроме серого кота!
И тут тоже на лестнице стояла кошка, изгибала спинку и мяукала, но Руди не до нее было, и он постучал в дверь. Никто не отозвался, никто не отпер. «Мяу!» — сказала кошка. Будь Руди маленьким, он бы понял ее речь: «никого нет дома!», а вот теперь ему пришлось идти справляться о хозяевах на мельницу. Там ему сказали, что хозяин уехал в город Интерлакен — Inter lacus — Междуозерный, как объяснял школьный учитель, ученый отец Аннеты. Так вот туда-то и отправились мельник с Бабеттой: сегодня там начинается праздник, большое состязание стрелков, и будет длиться целую неделю. На этот праздник стекаются люди из всех немецких кантонов. Бедняга Руди! Не вовремя попал он в Бэ. Пришлось ему повернуть обратно; так он и сделал — направился мимо городков С. Морис и Сион к родной долине, родным горам, но духом не пал. На следующее утро солнце только еще встало, а уж расположение его духа давно было в зените; оно, впрочем, никогда и не закатывалось. «Бабетта в Интерлакене, в нескольких днях ходьбы отсюда! — сказал он сам себе. — Далеко, если идти по проторенной дороге, но куда ближе, если пуститься напрямик через горы, а это и есть настоящая дорога для охотника за сернами. Да она и знакома мне, я уже ходил по ней: там, за горами, — моя старая родина, там я жил ребенком у дедушки!.. Так в Интерлакене праздник стрелков! Ну, я хочу получить первый приз, хочу быть там первым, как и в сердце Бабетты, когда познакомлюсь с нею!»
С легонькой котомкой за плечами, в которой лежало его праздничное платье, с ружьем и охотничьей сумкой пустился Руди по горам, самой короткой дорогой. И все же путь ему предстоял неблизкий! Но праздник ведь только что начался и продлится еще больше недели, а все это время, как сказали Руди рабочие, мельник с дочкой останутся у своих родственников в Интерлакене. Руди и пошел через Гемми, намереваясь спуститься в Гриндельвальдскую долину.
Весело, бодро шагал он, впивая в себя свежий, легкий, живительный горный воздух. Долина опускалась все глубже и глубже, горизонт все расширялся; вот уже стали попадаться снежные вершины, и скоро он вступил в область снегов. Руди был знаком тут каждый уступ, каждая вершина; он направился прямо к Шрекгорну, высоко подымавшему к небу свой, словно обсыпанный мукой, каменный перст.
Наконец Руди перешел хребет. Зеленые пастбища спускались к его родимой долине; воздух был легок, на душе у него тоже было легко; гора и долина были убраны цветами и зеленью; сердце Руди билось от переполнявшего его чувства юношеской радости. «Старость никогда не придет, смерть тоже! Жить, царствовать, наслаждаться!» Руди чувствовал себя свободным, легким, как птица! Ласточки сновали над ним, щебеча, как и во времена его детства: «Вы и мы! Мы и вы!» Все в природе было полно жизни и радостного движения.
Внизу расстилался бархатисто-зеленый луг, с разбросанными по нему темными деревянными домиками; река шумела и гудела. Руди смотрел на глетчер, на его зеленоватые хрустальные края, выделявшиеся на грязном снегу, на глубокие трещины, смотрел на верхний и на нижний глетчер. До слуха его доносился звон церковных колоколов, точно приветствовавших его возвращение на старую родину. Сердце Руди забилось сильнее, расширилось и переполнилось воспоминаниями до того, что Бабетта на минуту совсем исчезла в нем.
Он опять шел той же дорогой, на которой стаивал, бывало, мальчиком вместе с другими ребятишками и продавал резные деревянные домики. Вон там, за соснами, виднеется еще домик его дедушки; в нем живут теперь чужие. Ребятишки сбежались на дорогу, желая продать ему что-нибудь; один мальчуган протянул ему альпийскую розу, и Руди взял ее, как добрый знак, подумав

при этом о Бабетте. Скоро он перешел мост, переброшенный через слившиеся вместе два рукава Лючины; лиственные деревья попадались все чаще, ореховые были уже так высоки и густы, что давали тень. И вот, наконец, Руди увидел развевающийся флаг: белый крест на красном поле, флаг швейцарцев и датчан. Перед ним лежал Интерлакен.

Красивее городка и быть не могло, как казалось Руди. В самом деле, швейцарский городок смотрелся в своем праздничном наряде так приветливо, не то что другие провинциальные города, с кучей громоздких каменных домов, тяжелые, неприветливые, надменные! Нет, тут деревянные домики как будто сами сбежали с горы в зеленую долину, к ясной, быстрой реке, и расположились в неправильный ряд, чтобы наскоро образовать улицу, да какую еще! Лучшую, прекраснейшую улицу в свете! Как она выросла с тех нор, как Руди видел ее в последний раз! Право, она как будто образовалась из всех тех хорошеньких деревянных домиков, которые вырезывал когда-то его дедушка и которыми был набит старый шкаф; только домики успели с тех пор подрасти, как и старые каштаны. Каждый домик был «гостиницей»; окна и балконы были изукрашены резьбой, крыши выдавались вперед. Домики смотрелись такими чистенькими, нарядными; перед каждым красовался цветник, обращенный к широкой, вымощенной камнями проезжей дороге. Дома шли вдоль всей дороги, но лишь по одной стороне, а то бы закрылся вид на зеленый луг, на котором паслись коровы с колокольчиками на шее, звучавшими, как и на горных альпийских пастбищах. Луг был окаймлен высокими горами, которые в самой середине вдруг расступались и открывали вид на сияющую снежную вершину Юнгфрау, первую красавицу Швейцарии.

Какое сборище разодетых иностранных господ и дам, какое смешение поселян из разных кантонов! На украшенных венками шляпах стрелков красовались номера, чтобы каждый знал свою очередь. Музыка, пение, звуки шарманок и духовых инструментов, крик и гам! Все дома и мосты были убраны щитами со стихотворными надписями и эмблемами; всюду развевались флаги и значки, раздавался выстрел за выстрелом!.. Это было для Руди лучшей музыкой, и в эту минуту он совсем забыл про Бабетту, ради которой явился сюда.

Стрелки толпились около тира; Руди тоже был в их числе и оказался самым счастливым: он без промаху попадал в самую середину мишени.

— Кто этот чужой молодец? — спрашивали все.

— Он говорит по-французски, как говорят в кантоне Валлис, но хорошо объясняется и по-нашему, по-немецки! — говорили некоторые.

— Он жил ребенком в окрестностях Гриндельвальда! — сказал кто-то. Да, жизнь била в молодце ключом; глаза его блестели, глаз и рука
были тверды, и он не давал промаха! Счастье придает смелости, а Руди и без того был смел. Скоро вокруг него образовался целый кружок друзей, его чествовали, хвалили, и Бабетта почти совсем вылетела у него из головы. Вдруг на плечо его легла тяжелая рука, и грубый голос спросил по-французски:

— Вы из кантона Валлис?

Руди обернулся и увидел перед собой красное, довольное лицо толстого богача-мельника из Бэ. Он совсем закрывал своей широкой массивной фигурой тоненькую, миловидную Бабетту; скоро, однако, ее блестящие темные глазки выглянули из-за его спины. Толстый мельник был польщен, что лучшим стрелком, героем праздника, оказывался его земляк. Руди в самом деле был счастливцем: те, ради кого он явился сюда и кого в эту минуту почти позабыл, сами шли ему навстречу.

Случись двум землякам встретиться на чужбине, они сейчас узнают друг друга, сейчас разговорятся. Руди был здесь, на празднике, первым благодаря своей меткой стрельбе, а мельник был первым у себя в Бэ благодаря своим денежкам и хорошей мельнице, и вот они теперь пожали

друг другу руки, чего никогда не делали прежде. Бабетта тоже доверчиво протянула Руди ручку, и он так пожал ее, так поглядел на девушку, что она вся вспыхнула.
Мельник принялся рассказывать о том, какой длинный путь им привелось сделать, какие большие города они видели. Да, им таки пришлось попутешествовать! И на пароходе-то они плыли, и по железной дороге ехали, и в почтовых дилижансах!
— А я шел кратчайшей дорогой! — сказал Руди. — Я перешел через горы; высоконько это, но все-таки взобраться можно!
— Да и сломать себе шею! — сказал мельник. — И вы таки сломите ее себе со своею отвагой!
— Не думай, что упадешь, и не упадешь никогда! — ответил Руди. Родственники мельника, у которых гостили он и Бабетта в Интерлакене, пригласили Руди зайти к ним — он ведь был земляком их родственников. Приглашение это было для Руди как раз кстати; счастье благоприятствовало ему, как и всегда тому, кто надеется на самого себя, памятуя, что «Господь Бог дает нам орехи, да не раскалывает их для нас!»
И вот Руди сидел в семейном кружке у родственников мельника; все стали пить за здоровье первого стрелка, и Бабетта тоже чокнулась с Руди, а он горячо поблагодарил за тост.
Вечером все отправились гулять по красивой дороге, окаймленной старыми ореховыми деревьями, мимо разукрашенных гостиниц. Но тут была такая давка и толкотня, что Руди пришлось предложить Бабетте руку. Он говорил ей, что ужасно рад встрече с земляками из кантона Во: кантоны Во и Валлис ведь соседи! И он высказал свою радость так искренно, что Бабетта сочла долгом пожать ему за это руку. Так они шли рука об руку и болтали, точно старые знакомые. А презанимательная была эта миленькая красоточка Бабетта! Она вышучивала смешные и эксцентричные одеяния и манеры барынь-иностранок, и Руди находил, что все это выходило у нее премило! Она ведь только шутила, а вовсе не имела в виду надсмехаться над людьми, — они могли быть очень и очень почтенными и даже милыми и любезными барынями! Бабетта хорошо это знала, у нее самой была крестная мать, такая же знатная дама, англичанка. Восемнадцать лет тому назад, когда Бабетту крестили, дама эта жила в Бэ; она-то и подарила крестнице дорогую булавку, которую теперь Бабетта носила на груди. Крестная мать писала им два раза, а нынешний год они должны были опять свидеться с нею в Интерлакене, куда она собиралась приехать с двумя своими дочерьми, старыми девами — им уж было под тридцать, а самой Бабетте всего восемнадцать!
Хорошенький ротик все время был в движении, но все, что болтала Бабетта, казалось Руди необыкновенно важным, и он, в свою очередь, рассказал ей все, что было нужно: рассказал, как часто бывал в Бэ, как знакома ему мельница, как часто он любовался на Бабетту — хотя она-то, вероятно, и не замечала его. Рассказал он и о своем последнем посещении мельницы, куда пришел с такими намерениями, которых не смел теперь и высказать, но не застал дома ни ее, ни отца ее и узнал, что они уехали далеко-далеко! Не так, однако же, далеко, чтобы нельзя было перелезть через стену, преграждавшую путь!
Да, он сказал ей все это и даже еще больше — сказал, что любит ее и что явился сюда... только ради нее, а вовсе не ради состязания!
Бабетта совсем притихла: уж очень много, пожалуй, даже слишком много доверил он ей за раз!
Пока они гуляли, солнце село за высокие горы, но Юнгфрау еще сияла в огненном венце, окруженная темно-зеленой рамкой соседних лесов. Толпы людей безмолвно любовались величавой картиной; Руди с Бабеттой тоже засмотрелись.
— Нигде в свете не может быть лучше! — сказала Бабетта.
— Нигде! — отозвался Руди и взглянул на Бабетту. — Завтра я должен отправиться домой! — прибавил он немного спустя.
— Навести нас в Бэ! — прошептала Бабетта. — Отец будет очень доволен!

V. ПО ПУТИ ДОМОЙ

Нелегкую ношу пришлось тащить на себе Руди, возвращаясь на следующий день домой: три серебряных кубка, два великолепных ружья и серебряный кофейник! Ну, этот-то пригодится, когда Руди обзаведется домом! Но не это было главное. Кое-что поважнее нес он, вернее — несло его самого через горы. А погода между тем была сырая, серая, туманная, дождливая. Облака нависали над горами траурным крепом и заволакивали сияющие горные вершины. Из глубины леса доносились удары топора, и по горным склонам катились вниз деревья; сверху они казались щепками, а вблизи оказывались мачтовыми деревьями. Лючина однообразно шумела, ветер свистел, облака неслись по небу. Вдруг возле Руди очутилась молодая девушка; он заметил ее только тогда, когда она поравнялась с ним. Она тоже собиралась перейти через горы. В глазах ее была какая-то притягательная сила, заставлявшая смотреть в них; они были удивительно прозрачные, ясные, как хрустальные, и глубокие-глубокие, какие-то бездонные!..

— Есть у тебя милый? — спросил ее Руди; он теперь ни о чем другом и думать не мог.

— Никого у меня нет! — ответила она и рассмеялась; но видно было, что она лукавит. — Зачем же делать обход? — продолжала она. — Возьмем левее, короче будет!

— Да, да, возьмем левее да и угодим в расщелину! — сказал Руди. — Так-то ты знаешь дорогу? А еще в проводники набиваешься!

— Я знаю настоящую дорогу! — сказала она. — И у меня голова на плечах, а твоя осталась там внизу, в долине! Но здесь, на высоте, надо помнить о Деве Льдов! Говорят, она не очень-то благоволит к людям!

— Не боюсь я ее! — сказал Руди. — Ей пришлось выпустить меня из своих лап, когда еще я был ребенком, а теперь-то я и подавно сумею уйти от нее!

Между тем стемнело, полил дождь, пошел снег, блестящий, ослепительно белый.

— Дай сюда руку! Я помогу тебе взбираться! — сказала девушка и дотронулась до его руки холодными, как лед, пальцами.

— Ты поможешь мне? — ответил Руди. — Я и без бабьей помощи давно умею лазить по горам! — И он ускорил шаги. Метель укутывала его, словно саваном; ветер свистел, а позади охотника раздавались смех и пение девушки. Какие странные звуки! Должно быть, это было наваждение Девы Льдов. Руди много слышал об ее проделках в ту ночевку на горах, когда он отправлялся из дедушкиного дома к дяде.

Снег поредел, облака остались внизу; он оглянулся назад — никого уже не было видно, но хохот и пение раздавались по-прежнему. Странно, не по-человечески звучали они.

Наконец, Руди достиг высочайшей горной площадки, откуда уже начинался спуск в долину Роны; тут он увидал в той стороне, где лежит долина Шамуни, на узкой голубой полоске неба, проглянувшей из облаков, две ясные звездочки. Руди вспомнилась Бабетта, он стал думать о ней, о себе самом, о своем счастье, и — на сердце у него стало так тепло!

VI. В ГОСТЯХ У МЕЛЬНИКА

— Вот так барские вещи принес ты с собою, Руди! — сказала ему старая тетка, и ее странные орлиные глаза засверкали, а худая шея заворочалась еще быстрее. — Везет тебе, Руди! Дай я расцелую тебя, милый мой мальчик!

И Руди позволил себя целовать, хотя по лицу его видно было, что он только покоряется обстоятельствам, примиряется с маленькими домашними неприятностями.

— Какой ты красавец, Руди! — прибавила старуха.

— Ну, ну, рассказывай сказки! — сказал Руди и засмеялся; слова старухи, однако, польстили ему.

— А я все-таки повторю! — сказала она. — Везет тебе!
— Ну, насчет этого-то я согласен с тобой! — ответил он, и ему вспомнилась Бабетта.
Никогда еще он так не скучал по глубокой долине. «Теперь они, верно, дома! — сказал он сам себе. — Ведь прошло уже два дня с того срока, который они назначили! Надо пойти в Бэ!»
И Руди пошел в Бэ. Хозяева оказались дома. Приняли его очень радушно и передали поклоны от интерлакенских родственников. Бабетта говорила немного; она стала вдруг молчалива; зато говорили ее глаза, и Руди этого было довольно. Мельник вообще любил поговорить сам — он ведь привык, что над его прибаутками и красными словцами всегда дружно смеялись. Еще бы! Он был такой богач! Но теперь он, по-видимому, предпочитал слушать рассказы Руди о его охотничьих приключениях. Руди рассказывал о трудностях и опасностях, которые приходится испытывать охотнику за сернами на высоких скалах, как приходится карабкаться по ненадежным снежным карнизам, которые прилепляют к краю скал ветер да погода, перебираться по опасным мостам, переброшенным через пропасти снежной метелью. И глаза Руди так и блестели, когда он рассказывал об этих приключениях, о смышлености серн, об их смелых прыжках, о свирепом фене и катящихся лавинах. Он отлично замечал, что рассказы его все больше и больше располагали к нему мельника; особенно же понравились тому рассказы об ягнятниках и отважных королевских орлах.
Неподалеку оттуда, в кантоне Валлис, рассказывал между прочим Руди, находилось орлиное гнездо, хитро устроенное под выступом скалы. В гнезде был один птенец, но до него уж не добраться было! Еще на днях один англичанин предлагал Руди целую горсть золота, если он достанет птенца живым. «Но всему есть границы! — ответил ему Руди. — Орленка достать нельзя — надо быть сумасшедшим, чтобы взяться за такое дело!»
Вино текло, текла и беседа, и вечер показался Руди чересчур коротким, а между тем он простился с хозяевами уже далеко за полночь.
Свет еще виднелся несколько времени в окнах дома и мелькал между ветвями деревьев. Из слухового окна вышла на крышу комнатная кошка, а по водосточной трубе поднялась туда кухонная.
— Знаешь новость на мельнице? — спросила комнатная кошка. — В доме тайная помолвка! Отец-то еще ничего не знает! А Руди и Бабетта целый вечер то и дело наступали друг другу под столом на лапки! Они и на меня наступили два раза, но я и не мяукнула, чтобы не возбудить подозрений.
— А вот я так непременно мяукнула бы! — сказала кухонная кошка.
— Ну, что можно в кухне, то не годится в комнате! — сказала комнатная. — А хотелось бы мне знать, что скажет мельник, когда услышит о помолвке!
Да, это-то хотелось знать и Руди, и ждать долго он не смог. Через несколько дней по мосту, перекинутому через Рону и соединявшему кантоны Валлис и Во, катился дилижанс, а в нем сидел Руди, бодрый и смелый, как всегда, и предавался чудным мечтам о согласии, которое получит сегодня же вечером.
Когда же вечер настал и дилижанс покатился по той же дороге обратно, в нем опять сидел Руди, а комнатная кошка опять явилась с новостью.
— Эй, ты, из кухни! Знаешь что? Мельник-то ведь узнал все. Нечего сказать, славный конец вышел! Руди явился сегодня под вечер и о чем-то долго шептался с Бабеттою в сенях, как раз перед комнатой мельника. Я лежала у самых их ног, но им не до меня было. «Я прямо пойду к твоему отцу!» — сказал Руди. «Что ж, это дело честное! Не пойти ли мне с тобою? — спросила Бабетта. — Я подбодрю тебя!» — «Я и без того бодр! — ответил Руди. — Но, пожалуй, пойдем вместе: при тебе он волей-неволей будет сговорчивее!» И они вошли в комнату; по пути Руди пребольно наступил мне на хвост! Он ужасно неуклюж! Я мяукнула, но ни он, ни Бабетта и ухом не

повели. Они отворили дверь, вошли оба, а я прошмыгнула вперед и вспрыгнула на спинку стула — кто ж его знал, как Руди станет тут расшаркиваться! А вот мельник так шаркнул его! Любо! Вон из дома, в горы, к сернам! Пусть метит в них, а не в нашу Бабетточку!
— Ну, а что же Руди говорил? — спросила кухонная кошка.
— Говорил что? Да что всегда говорится при сватовстве: «Я люблю ее, а она меня! А раз в кринке хватает молока на одного, хватит и на двоих!» — «Но она сидит слишком высоко! Тебе не достать ее! — сказал мельник. — Она сидит на мешке с крупой, да еще с золотой вдобавок! Вот что! Тебе не достать до нее!» — «До всего можно достать, была бы охота!» — ответил Руди: он ведь смелый такой. «А вот орленка-то все-таки не можешь достать, сам же сказал! Ну, а Бабетта сидит еще повыше!» — «Я достану обоих!» — сказал Руди. «Так я подарю тебе Бабетту, когда ты подаришь мне живого орленка! — сказал мельник и захохотал так, что слезы покатились у него по щекам. — А теперь спасибо за посещение, Руди! Приходи опять завтра, нас не будет дома! Прощай!» Бабетта тоже мяукнула «прощай», да так жалобно, словно котенок, потерявший матку. «Слово — слово, человек — человек! — сказал Руди. — Не плачь, Бабетта! Я добуду орленка!» — «И надеюсь, сломишь себе шею! — сказал мельник, — а мы избавимся от твоей беготни!» Да, вот это я называю «шаркнуть»! Теперь Руди нет, Бабетта сидит и плачет, а мельник напевает немецкую песню; он выучил ее во время поездки! Ну, что до меня, то я горевать не стану — толку из этого не будет!
— Ну, все же хоть для вида надо! — сказала кухонная кошка.

VII. ОРЛИНОЕ ГНЕЗДО

С горной тропинки неслись в долину веселые, громкие «йодли», дышавшие удалью и бодростью духа. Это пел Руди; он шел к другу своему Везинану.
— Ты должен помочь мне! Мы прихватим еще Рагли — мне надо достать орленка из гнезда под выступом скалы!
— Не хочешь ли сперва снять пятна с луны — это так же легко! — сказал Везинан. — Ты, видно, весело настроен сегодня!
— Да! Я ведь собираюсь жениться!.. Ну, а теперь поговорим серьезно: тебе надо знать все!
И скоро и Везинан, и Рагли узнали, чего хотел Руди.
— Смелый ты парень! — сказали они. — Но это дело не выгорит! Сломаешь себе шею!
— Не упадешь, если не будешь думать об этом! — ответил Руди.
Около полуночи они пустились в путь, запасшись шестами, лестницами и веревками. Дорога шла кустарником, по скатывающимся камням, все вверх. Было темно; воды шумели внизу, журчали в вышине; серые облака ползли над головами путников. Наконец, они поднялись на верхнюю площадку; здесь стало еще темнее: отвесные утесы почти сходились вверху, и оттуда светился лишь узенький клочок голубого неба. Внизу же у самых ног охотников разверзалась бездна, где глухо шумела вода. Тихо сидели они все трое, дожидаясь зари и вылета орлицы из гнезда. Надо было сначала застрелить ее, а потом уж думать о поимке птенца. Руди сидел на низеньком камне так неподвижно, как будто и сам был из камня. Ружье он держал наготове и не сводил глаз с верхнего уступа, под которым лепилось гнездо. Долго пришлось охотникам ждать.
Вдруг в вышине над ними послышался свист могучих крыльев, и какой-то огромный предмет заслонил им свет. Два ружейных дула направились на орлицу в ту же минуту, как она вылетела из гнезда. Раздался выстрел... одно мгновение распростертые крылья еще шевелились, затем птица стала медленно опускаться вниз; казалось, эта огромная тяжелая масса с широко распростертыми крыльями наполнит собою все ущелье и увлечет в бездну охотников. Но вот птица исчезла в пропасти; послышался треск древесных сучьев и ветвей кустарника, которые обламывало в своем падении тело орлицы.

И вот началась суетня: связали вместе три самые длинные лестницы и укрепили их на краю обрыва. Но оказалось, что они не доставали до гнезда; над последней ступенью возвышался еще порядочный уступ отвесной, гладкой, как стена, скалы, под верхним огромным выступом которой и находилось гнездо. После краткого совещания остановились на том, что иного ничего сделать нельзя, как взобраться на самую вершину скалы и спустить оттуда вниз еще пару связанных вместе лестниц и прикрепить к трем, стоявшим на нижней площадке. С большим трудом втащили по тропинке вверх две лестницы и крепко связали их там веревками. Затем лестницы были спущены с уступа и свободно повисли в воздухе над пропастью. Руди живо очутился на самой нижней ступени колеблющихся лестниц.

Утро было холодное, над черным ущельем клубился густой туман. Руди сидел, как муха на зыблемой ветром соломинке, которую обронила на краю высокой фабричной трубы строящая там гнездо птица. Но муха-то может улететь, если соломинку сдунет ветром, а Руди мог только сломать себе шею. Ветер свистел у него в ушах; внизу с шумом бежала вода, вытекавшая из таявшего глетчера, дворца Девы Льдов.

Вот Руди раскачал лестницу, как паук раскачивает свою длинную, колеблющуюся паутинку, собираясь прикрепить ее к чему-нибудь. Коснувшись в четвертый раз края лестницы, подымавшейся снизу, он поймал ее, и скоро лестницы были связаны вместе верной, крепкой рукой; тем не менее они колебались и качались, точно скрепленные истершимися петлями.

Все пять лестниц казались колеблющейся тростинкой, вертикально упиравшейся в стену скалы. Теперь предстояло самое трудное — вскарабкаться по ней, как кошка, но Руди умел и это; кот выучил его. Головокружения он не знавал, а оно плыло по воздуху позади него, протягивая к нему свои полипьи руки. Вот Руди остановился на верхней ступеньке лестницы, но и отсюда он еще не мог заглянуть в самое гнездо. Руди попробовал, крепко ли держатся нижние, толстые, ветви, из которых сплетено было дно гнезда, выбрал самую надежную, уцепился за нее и приподнялся на руке. Теперь голова и грудь его были выше гнезда; он заглянул туда, но его так и отшибло удушливым зловонием падали: разложившихся овец, серн и птиц; Головокружение, не смевшее схватить его, нарочно дунуло ему в лицо эти ядовитые испарения, чтобы помутить его сознание. Внизу же, в черной зияющей глубине, на хребте снежных волн, сидела сама Дева Льдов, с распущенными длинными зеленоватыми волосами, и вперила в охотника свои мертвящие глаза — ни дать ни взять два ружейных дула! «Теперь я поймаю тебя!»

В углу гнезда Руди увидал большого, сильного орленка, который еще не умел летать. Руди пристально вперил в него взор, и, крепко держась за ветку одною рукой, другою набросил на орленка петлю... Орленок был пойман живым! Петля захлестнулась вокруг его ноги; Руди вскинул петлю с птицей на плечи, так что она висела ниже его ног, сам же с помощью спущенной ему со скалы веревки опять утвердился на верхней ступени лестницы.

«Держись крепко! Не думай, что упадешь, и не упадешь никогда!» И он следовал этому мудрому совету, держался крепко, карабкался, был уверен, что не упадет и — не упал.

Раздался сильный, торжествующий «йодль»: Руди с орленком в руках стоял на твердой площадке скалы.

VIII. У КОМНАТНОЙ КОШКИ ОПЯТЬ НОВОСТИ

— Вот вам требуемое! — сказал Руди, войдя в горницу мельника, поставил на пол большую корзинку, снял с нее холст, и оттуда выглянули два желтых, окруженных черными ободками, глаза. Как они дико сверкали! Точно хотели впиться в тех, на кого смотрели, и испепелить их; короткий, сильный клюв широко раскрывался, собираясь укусить; красная шея была покрыта пухом.

— Орленок! — закричал мельник.

Бабетта вскрикнула и отскочила в сторону, но не могла глаз оторвать от Руди и от орленка.
— Ну, ты не даешь себя запугать! — сказал мельник.
— А вы всегда верны своему слову! У всякого своя особенность! — сказал Руди.
— Но отчего ты не сломал себе шеи? — спросил мельник.
— Оттого, что держался крепко! — сказал Руди. — Так я и буду продолжать — крепко держаться за Бабетту!
— Получи ее сперва! — сказал мельник и засмеялся; это было добрым знаком — Бабетта уж знала.
— Ну, давай-ка вытащим его из корзины! Ишь ты! Страх просто, как он таращится! Как ты схватил его?
Руди пришлось рассказать обо всем; он говорил, а мельник все шире и шире раскрывал глаза.
— С твоей удалью да счастьем ты прокормишь трех жен! — сказал он наконец.
— Спасибо! Спасибо! — вскричал Руди.
— Ну, да Бабетты-то ты все-таки еще не получил! — сказал мельник и шутливо похлопал молодого охотника по плечу.
— Знаешь новости? — спросила комнатная кошка кухонную. — Руди принес нам орленка и взамен берет Бабетту. Они уж целовались прямо на глазах у отца! Это ведь почти то же, что помолвка! Старик уж не порывался «шаркнуть» Руди за дверь, припрятал когти и прикорнул после обеда, а молодежь оставил миловаться! А уж сколько им надо пересказать друг другу! Они не кончат и до Рождества.
Они и не кончили. Ветер крутил опавшую и побуревшую листву, снег шел и в долине, и в горах. Дева Льдов сидела в своем гордом замке, который вырастал зимою. На скалах повисли толстые хоботообразные ледяные сосульки; это застыли горные потоки, которые летом извиваются тут, по скалам, словно серебристые ленты. Напудренные сосны сверкали ледяными кристаллами и фантастическими гирляндами... Дева Льдов со свистом носилась над глубокой долиной на крыльях буйного ветра; снежный ковер покрывал всю местность вплоть до Бэ, так что она могла явиться туда и узнать, что Руди сделался домоседом — вечно сидел у Бабетты! Свадьбу собирались сыграть летом, и у жениха и невесты часто звенело в ушах: друзья не переставали толковать о них. Резвая, веселая Бабетта сияла, как солнышко, цвела, как альпийская роза, была прелестна, как сама приближавшаяся весна, по мановению которой все птички должны были запеть о лете и о свадьбе!
— И как только они могут вечно шушукаться да нежничать? Мне это вечное их мяуканье просто надоело! — сказала комнатная кошка.

IX. ДЕВА ЛЬДОВ
Весна убралась в зеленые, сочные гирлянды из ветвей ореховых и каштановых дерев. Пышнее же всего оделись зеленью деревья у моста близ города Мориса, у берегов Женевского озера и по берегам Роны, дико выбегающей из-под зеленого глетчера, хрустального дворца Девы Льдов. Там ее царство, там она переносится с одной снежной равнины на другую на крыльях буйного ветра, нежится на залитых солнцем мягких снежных пуховиках, сидит и смотрит своими дальнозоркими глазами вниз, в глубокие долины, где, словно муравьи на освещенном солнцем камне, копошатся люди.
— Вы, «избранники духа», как называют вас дети солнца! — говорила она. — Козявки вы! Спустить на вас комок снега, и вы будете сплюснуты, раздавлены со всеми вашими домами и городами! — И она гордо вскидывала голову и озирала своим мертвящим взором окружающее, потом опять смотрела вниз. Снизу из долины доносился грохот взрывов — люди взрывали скалы, прокладывая туннели и мосты для железных дорог. — Они играют в кротов! — сказала Дева Льдов. — Копают себе проходы, вот откуда эта ружейная трескотня. А вот двинь слегка мои

дворцы и — раздастся грохот посильнее громовых раскатов!
Из долины подымался дымок; он двигался вперед, развеваясь в воздухе; это развевался султан локомотива, который мчал по вновь проложенным рельсам извивающуюся змею — поезд; каждое кольцо было вагоном. Змея ползла вперед с быстротою стрелы.
— Они играют там в господ, эти «избранники духа»! — сказала опять Дева Льдов. — Но силы природы все же могущественнее их! — И она засмеялась, запела; грохотом отдались эти звуки в долине.
«Вот лавина катится!» — сказали люди. А дети солнца еще громче запели о человеческом уме, который господствует над миром, покоряет моря, двигает горы, засыпает пропасти. Ум человеческий господствует над силами природы!
В ту же самую минуту на снежную равнину, где сидела Дева Льдов, взобралась компания путешественников. Они крепко связались все вместе веревкой, чтобы устойчивее двигаться по скользкой ледяной поверхности, у краев пропасти.
— Козявки! — сказала Дева Льдов. — Вам быть господами над силами природы?! — И, отвернувшись от них, она вперила насмешливый взор в глубокую долину, по которой пыхтя мчался поезд. — Вон они сидят, эти «умы»! Я вижу каждого! Вон один восседает особняком, словно король! А вон там их целая куча! Половина из них спит! Когда же паровой дракон остановится, они вылезут и пойдут каждый своей дорогой. «Умы» разбредутся по свету! — И она рассмеялась.
«Опять лавина катится!» — говорили люди в долине.
— До нас она не доберется! — сказали двое путников, сидевших на спине дракона. Эти двое были, как говорится, «одной душою, одною мыслью». То ехали по железной дороге Руди и Бабетта; ехал с ними и мельник.
— В виде багажа! — говорил он. — Меня взяли с собою, как необходимое!
— Вон она сидит, эта парочка! — сказала Дева Льдов. — Сколько серн я раздавила, сколько миллионов роз раздробила так, что не осталось и корешков. Сотру я и их всех в порошок! «Умы! Избранники духа»! — и она засмеялась.
«Опять катится лавина!» — сказали люди в долине.

X. КРЕСТНАЯ МАТЬ
В Монтрэ, одном из ближайших городков, образующем вместе с городами Клараном, Вевэ и Крэном гирлянду вокруг северо-восточной части Женевского озера, жила крестная мать Бабетты, знатная барыня, англичанка, со своими дочерьми и молодым родственником. Они только что прибыли туда, но мельник уже успел побывать у них и сообщить им и о помолвке Бабетты с Руди, и об орленке, и о празднике в Интерлакене — словом, обо всем. Все это очень понравилось дамам и сильно расположило их в пользу Руди, Бабетты и самого мельника. И вот их всех троих пригласили приехать в Монтрэ; они и приехали: надо же было крестной матери повидать Бабетту, а Бабетте — крестную мать.
На пароход садились как раз у небольшого городка Вильнева, у конца Женевского озера, и через полчаса приезжали в Вевэ, что лежит чуть пониже Монтрэ. Берег этот воспет поэтами. Тут, в тени ореховых деревьев, сиживал у глубокого голубовато-зеленого озера Байрон и писал свою дивную поэму о шильонском узнике; тут, где отражаются в воде плакучие ивы Кларана, ходил Руссо, обдумывая свою «Элоизу». Рона скользит у подножия высоких снежных гор Савойи; неподалеку от впадения реки, на озере, лежит островок, такой маленький, что с берега кажется просто лодкой. Собственно говоря, это небольшая скала, которую лет сто тому назад одна дама велела обложить камнями, покрыть землей и засадить акациями. Три акации покрывали теперь своею тенью весь островок. Бабетта пришла в восторг от этого клочка земли, он показался ей милее всего, что они

видели по пути, и ей непременно захотелось побывать на нем. Там должно быть чудесно, восхитительно! Непременно надо заехать туда! Но пароход проехал, как и следовало, мимо — прямо в Вевэ.
Оттуда маленькая компания отправилась по дороге в Монтрэ; дорога шла в гору между двумя рядами белых, освещенных солнцем стен, которыми были обнесены виноградники; дома поселян ютились в тени фиговых деревьев, в садах росли лавры и кипарисы. Пансион, где жила крестная мать, лежал на полпути между Вевэ и Монтрэ.
Гостей ожидал самый радушный прием. Крестная мать оказалась высокой, приветливой дамой, с круглым улыбающимся лицом. В детстве она, наверно, походила на одного из рафаэлевских херувимов; теперь же «херувим» успел состариться: вьющиеся волосы, окружавшие когда-то его личико золотым ореолом, были теперь седы. Дочери ее были нарядно одетые, изящные, длинные и стройные особы. Молодой их кузен, одетый с ног до головы в белое, рыжеволосый, с рыжими же и притом такими густыми бакенбардами, что их хватило бы на трех джентльменов, выказал Бабетте величайшее внимание.
На большом столе в гостиной лежала масса книг в богатых переплетах, ноты и рисунки; дверь на балкон была открыта, а с балкона открывался чудный вид на озеро, такое тихое и гладкое, что Савойские горы с разбросанными по ним городками, лесами и снегами на вершинах отражались в нем, как в зеркале.
Руди, всегда такой бодрый, жизнерадостный, живой, чувствовал себя тут не в своей тарелке и еле-еле двигался по блестящему, скользкому полу, точно по нему был рассыпан горох. Да и время-то тянулось бесконечно! Попался Руди, словно белка в колесо, а тут еще вздумали отправиться на прогулку! Время потянулось еще медленнее. Руди положительно приходилось делать один шаг вперед да два назад, чтобы не забежать вперед других. Дойдя до старого, мрачного Шильонского замка, они зашли посмотреть на позорный столб темницы, куда сажали приговоренных к смерти, на ржавые цепи, ввинченные в скалистые стены, на каменные нары и на люки, в которые проваливались несчастные, попадая прямо на железные острые зубцы и затем — в водоворот. И смотреть на все это называлось удовольствием! Байрон воспел и опоэтизировал это ужасное место, но Руди видел в нем лишь то, чем оно было в действительности, — место истязаний. Он облокотился на каменный выступ окна и смотрел на глубокую зеленовато-голубую воду и на уединенный островок с тремя акациями. Как ему хотелось туда, уйти от всей этой болтливой компании! Но Бабетте, как она призналась потом, было страсть как весело! Кузена она нашла настоящим джентльменом.
— Настоящий болван он, вот что! — сказал Руди.
И Бабетте в первый раз не понравилось то, что говорил Руди. Англичанин подарил ей на память о Шильоне книжечку; это была поэма Байрона «Шильонский узник» во французском переводе, так что Бабетта могла прочесть ее.
— Книга-то, может статься, и хороша, — сказал Руди, — но этот лощеный молодчик, который подарил ее тебе, ничего, по-моему, не стоит.
— Он точно мучной мешок без муки! — сказал мельник и сам захохотал над своей остроумной шуткой. Руди тоже рассмеялся, вполне соглашаясь с мельником.

XI. КУЗЕН
Явившись через несколько дней в гости на мельницу, Руди нашел там молодого англичанина; Бабетта как раз угощала его вареной форелью, которую, конечно собственноручно, украсила зеленью петрушки, чтобы блюдо смотрелось аппетитнее. Это уж было совсем лишнее! И что нужно тут этому англичанину? Чего он хотел? Чтобы Бабетта угощала его, любезничала с ним? Руди

ревновал, и это тешило Бабетту. Ей весело было знакомиться со всеми сторонами его характера — и сильными, и слабыми. Любовь была еще для нее игрою, вот она и играла с сердцем Руди, несмотря на то, что он был «ее счастьем, мечтой ее жизни, самым дорогим для нее человеком на свете!» И чем мрачнее глядел он, тем веселее смеялись ее глазки; она готова была расцеловать белокурого англичанина с золотистыми бакенбардами, только бы Руди взбесился и убежал прочь. Это бы показало ей, как сильно он ее любит! Не умно это было со стороны Бабетты! Ну и то сказать, ей ведь шел всего девятнадцатый год! Где ей было сообразить, что она поступает нехорошо, что англичанин может истолковать себе ее поведение совсем иначе: принять честную, только что просватанную дочку мельника за особу, более веселую и легкомысленную, чем следовало.

Мельница стояла у проезжей дороги, которая бежала от самого Бэ под покрытыми снегом скалистыми вершинами, носящими на местном наречии название «Diablerets»; неподалеку от мельницы, клубясь и пенясь, струился быстрый горный ручей. Двигал мельницу, однако, не он, а другой ручей, поменьше, который, низвергаясь с утеса по другую сторону реки, пробегал сначала по каменной трубе под дорогой, потом с силой выбивался наверх и протекал по закрытому, широкому деревянному желобу, проведенному над водой с одного берега реки на другой. Этот-то ручей и вертел мельничные колеса. Желоб всегда так переполнялся водой, что представлял собой мокрый, скользкий и очень ненадежный мост для того, кому бы вздумалось ради сокращения пути перебраться по нему на мельницу. А вот эта-то фантазия как раз и пришла молодому англичанину. Одетый с ног до головы в белое, как мельник, он перебирался вечером по желобу, руководимый светом, мелькавшим в окошке Бабетты. Но он не учился лазать и карабкаться и чуть было не выкупался в воде с головою, да, по счастью, отделался мокрыми рукавами и обрызганными панталонами. Мокрый, грязный, явился он под окно Бабетты, вскарабкался на старую липу и давай кричать по-совиному — другой птице он подражать не умел. Бабетта услышала и поглядела сквозь тоненькие занавески, но, увидя человека в белом и догадавшись, кто это такой, она и испугалась и рассердилась, быстро потушила свечку и, убедившись, что все задвижки окна задвинуты плотно, предоставила англичанину петь и выть на здоровье.

Вот ужас был бы, если бы Руди находился на мельнице! Но Руди не было на мельнице. Нет, хуже — он был как раз тут, внизу! Послышался громкий, крупный разговор... Ну — быть драке, а пожалуй, и до убийства дойдет!

Бабетта в ужасе открыла окно, окликнула Руди и попросила его уйти: она не могла позволить ему остаться!

— Не можешь позволить мне остаться? — произнес он. — Так у вас уговор был! Ты поджидаешь дружка получше, чем я! Стыдно, Бабетта!

— Гадкий! Противный! — сказала Бабетта. — Я ненавижу тебя! — И она заплакала. — Уходи! Уходи!

— Не заслужил я этого! — сказал он и ушел. Щеки его горели, как в огне, сердце тоже.

Бабетта кинулась на постель, заливаясь слезами.

— Я тебя так люблю, Руди, а ты считаешь меня такой гадкой!.. И она рассердилась, ужасно рассердилась на него. Но то и хорошо было, иначе бы она уж чересчур разогорчилась. Теперь же она заснула здоровым, подкрепляющим сном юности.

XII. ЗЛЫЕ СИЛЫ

Руди, уйдя из Бэ, кинулся в горы, в этот свежий, холодный воздух, в область снегов, в царство Девы Льдов. Внизу виднелись лиственные деревья; они смотрели отсюда картофельной зеленью; сосны и кустарники становились все мельче, там и сям попадались альпийские розы, росшие прямо

на снегу, который местами напоминал разостланный для беления холст. Руди попалась голубая горечавка; он смял ее ружейным прикладом. В вышине показались две серны; глаза Руди заблестели, мысли приняли другой оборот. Но серны были еще слишком далеко, чтобы рассчитывать на верный выстрел. Руди поднялся еще выше; здесь между каменными глыбами пробивалась уже одна жесткая трава. Серны спокойно расхаживали по снежной равнине. Руди прибавил шагу, но туман вокруг все сгущался, и он внезапно очутился перед отвесной скалой; начался проливной дождь.

Руди чувствовал жгучую жажду, голова его горела, а во всем теле ощущался озноб. Он схватился за свою охотничью фляжку, но она была пуста: он забыл про нее, как и про все на свете, кидаясь в горы. Никогда еще не хворал он, а теперь чувствовал что-то похожее на болезнь; им овладела какая-то усталость... Так бы вот и бросился ничком да заснул! Но кругом было мокро, всюду струилась вода, и Руди старался овладеть собою. Все предметы как-то прыгали перед его глазами, и вдруг он увидал новую, только что построенную хижину, которую никогда не видывал здесь прежде.

Хижина лепилась к скале; в дверях стояла молодая девушка, похожая, как ему показалось, на Аннету, дочку школьного учителя, которую он раз поцеловал на танцах. Нет, это была не Аннета! И все-таки лицо девушки было ему как будто знакомо. Где же он видел ее раньше? Может быть, в Гриндельвальде, в тот вечер, когда возвращался с состязания стрелков из Интерлакена?

— Как ты попала сюда? — спросил он.

— Я тут живу! — ответила она. — Пасу свое стадо!

— Где же оно пасется? Тут один снег да голые скалы.

— Много ты знаешь! — рассмеялась она. — Тут позади, немножко пониже, чудесное пастбище! Там и ходят мои козы! Я стерегу их крепко! У меня уж не пропадет ни одна: что мое, то моим и останется!

— Ишь ты, какая храбрая! — сказал Руди.

— Ты тоже! — ответила она.

— Если у тебя есть молоко, дай мне! Смерть как пить хочется!

— У меня есть для тебя кое-что получше! — молвила она. — Вчера тут были путешественники с проводниками и позабыли полбутылки вина. Ты еще и не пробовал такого! Они за ней не пришлют, сама я не пью, так выпей ты!

И она вышла с вином, налила его в деревянную чашку и подала Руди.

— Славное вино! — сказал он. — Такого горячего, жгучего мне еще не приходилось пробовать! — И глаза его заблестели, он ожил, огонь пробежал по его жилам; горе его словно рукой сняло. Он снова чувствовал себя свежим, бодрым, кипящим силой и молодостью.

— Да ведь это и впрямь Аннета! — произнес он. — Поцелуй меня!

— А ты отдай мне твое хорошенькое колечко!

— Мое обручальное кольцо?!

— Вот, вот! — сказала девушка, опять налила в чашку вина и поднесла к его губам; он выпил. Кровь в нем заиграла: весь свет — его, стоит ли горевать, все манит к радости, к наслаждению!.. Река жизни — река наслаждения! Броситься в нее, отдаться течению — вот блаженство!.. Он взглянул на молодую девушку; это была Аннета и в то же время как будто не Аннета, но никак и не злое наваждение, каким она показалась ему на Гриндельвальдском глетчере. Свежая, как только что выпавший снег, пышная, как альпийская роза, легкая, проворная, как серна, девушка все же была создана из ребра Адама, была таким же человеком, как и Руди. И он обвил ее руками, заглянул ей в удивительные, ясные глаза всего на одно мгновение, и — даг вот объясните, найдите для этого подходящее выражение! — исполнилась ли его душа высшей духовной жизни или почувствовала холод смерти? Взлетел он ввысь или глубоко-глубоко опустился в ледяную

пучину?.. Вокруг него вздымались зеленовато-голубые хрустальные ледяные стены, зияли ущелья, мелодично журчали струйки воды, звеня, словно колокольчики, и сияя светлым голубоватым пламенем... Дева Льдов поцеловала Руди, смертельный холод пробежал по его спине в мозг, он вскрикнул, рванулся, зашатался и упал. В глазах у него померкло, но скоро он открыл их опять. Злые силы сыграли-таки с ним штуку!

Девушка исчезла, хижина тоже, с голой скалы стекала вода, кругом лежал снег. Руди дрожал от холода, он промок до костей! Обручальное кольцо, кольцо, данное ему Бабеттою, тоже исчезло! Ружье валялось на снегу возле него; он взял его, хотел выстрелить — осечка. В ущельях лежали густые облака, точно исполинские, снежные сугробы. На скале сидело Головокружение и стерегло обессилевшую жертву. Внизу, в глубине ущелья, раздался гул, словно рушилась целая скала, раздробляя и увлекая за собою в бездну все, что попадалось ей на пути.

А Бабетта сидела на мельнице и плакала: Руди не показывался вот уже целых шесть дней! А ведь виноватым-то был он, он должен был просить у нее прощенья — она ведь любила его всем сердцем.

XIII. В ДОМЕ МЕЛЬНИКА

— Ну и бестолковщина же идет у этих людей! — сказала комнатная кошка кухонной. — Теперь у Бабетты с Руди опять все врозь пошло! Она плачет, а он и знать ее не хочет больше!

— Не люблю я этого! — сказала кухонная кошка.

— И я тоже! — сказала первая. — Но горевать уж я не стану! Пусть Бабетта возьмет себе другого жениха — того, с рыжими бакенбардами! Впрочем, и он не бывал здесь с тех пор, как собирался влезть на крышу.

Злые силы творят свое и вне, и внутри нас; это Руди испытал на себе и крепко задумался над этим. Что случилось с ним, что творилось в нем самом там, в горах? Было ли то злое наваждение или горячечный бред? Но до сих пор он ведь не знавал ни лихорадки, ни других недугов! Осуждая Бабетту, он заглянул на минуту и в глубь собственной души, и ему вспомнилась бушевавшая в ней дикая буря, жгучий фен, который вырвался из нее наружу. Мог ли он сам открыть Бабетте каждую свою мысль, которая в час искушения могла перейти в дело? Он потерял ее кольцо, и именно благодаря этой потере Бабетта вновь обрела Руди. А она, могла ли она открыть ему всю свою душу? Сердце его как будто рвали на части, когда он думал о ней; в нем просыпалось столько воспоминаний! Он видел ее перед собой как живую — веселую, смеющуюся, детски-шаловливую! Ласковые слова, которых он столько слышал от нее в минуты сердечного упоения, прокрались в его душу солнечными лучами, и скоро она вся была залита ими — Бабетта опять могла воцариться в ней! «Да, она наверно могла открыть ему всю свою душу и — откроет!»

И вот он пришел на мельницу. Приступили к исповеди; началась она поцелуем, а кончилась тем, что виновным был признан Руди. Он был страшно виноват, позволив себе усомниться в верности Бабетты! Он поступил просто непозволительно, гадко! Такое недоверие, такая горячность могли погубить их обоих. Конечно! И вот Бабетта прочитала ему маленькое нравоучение; это очень шло к ней и доставило ей большое удовольствие. Но в одном все-таки Руди был прав: родственник крестной мамаши был просто шалопай! Она даже хотела сжечь книгу, которую он подарил ей, чтобы ничто больше не напоминало ей о нем.

— Ну, опять все уладилось! — сказала комнатная кошка. — Руди опять тут, они столковались и говорят, что это величайшее счастье!

— А я слышала сегодня ночью от крыс, что величайшее счастье — пожирать сальные свечи и всегда иметь в запасе протухшее сало! Кому же теперь верить: крысам или людям?

— Ни тем, ни другим! — сказала комнатная кошка. — Это вернее всего!

Но величайшее счастье для Руди и Бабетты было еще впереди; их ожидал прекраснейший день их жизни — день свадьбы.
Свадьбу собирались праздновать не в местной церкви и не в доме мельника: крестная пожелала, чтобы свадьбу сыграли у нее, а обряд был совершен в красивой маленькой церкви в Монтрэ. И мельник решил уважить требование крестной матери: он один знал, что собиралась она подарить молодым, и нашел, что такой свадебный подарок стоил маленькой уступки. День был назначен. Вечером накануне мельник, жених и невеста должны были выехать в Вильнев, а с утренним пароходом заблаговременно прибыть в Монтрэ, чтобы дочери крестной матери успели одеть невесту к венцу.
— Полагаю все-таки, что они справят свадьбу и здесь, хоть на другой день! — сказала комнатная кошка. — Иначе я не дам и «мяу» за всю эту историю!
— Попируем и здесь! — ответила кухонная кошка. — Недаром зарезали столько уток и голубей, а на стене висит целая коза! У меня уж зубы чешутся, как погляжу! Завтра они уедут!
Да, завтра! Сегодня же вечером Руди и Бабетта в последний раз сидели на мельнице женихом и невестой. Альпийское зарево пылало, вечерние колокола звонили, дети воздуха пели: «Да свершится все к лучшему!»

XIV. НОЧНЫЕ ВИДЕНИЯ
Солнце зашло, облака спустились в долину Роны, окруженную высокими горами, ветер дул с юга, из Африки. Он бурно проносился над высокими Альпами и рвал облака в клочья. Минутами фен утихал, и тогда воцарялась тишина. Разорванные облака нависали над поросшими лесом горами и быстрой Роной какими-то фантастическими образами: тут вырисовывалось допотопное морское чудовище, там — парящий орел; здесь — какие-то скачущие лягушки. Они спускались к ревущему потоку, как будто плыли по нему, и все-таки плыли по воздуху. Поток нес вырванную с корнями сосну; по воде перед ней ходили круги: это волновали воду Головокружения, кружившиеся на бурлящем потоке. Луна освещала снежные вершины гор, темные леса, белые причудливые облака и видения ночи, духов природы. Горные жители часто видят их сквозь стекла окон. Теперь они толпами проплывали перед Девой Льдов, которая вышла из своего хрустального дворца и плыла по быстрому потоку на хрупком корабле — вырванной из земли сосне — прямо в широкое озеро. «Свадебный поезд мчится!» — шумело и шелестело в воздухе и на воде.
Видения и тут и там.
Бабетте приснился удивительный сон.
Она как будто уже была много лет замужем за Руди. Он ушел на охоту, а она осталась дома, и у нее сидел в гостях молодой англичанин с золотистыми бакенбардами. Глаза его смотрели так ласково, из уст лились такие чарующие слова, он протягивал ей руку, и она невольно пошла за ним! Они ушли из ее родного дома, стали спускаться все ниже и ниже... На сердце у Бабетты было так тяжело, и с каждой минутой становилось все тяжелее. Она знала, что совершает грех, грех против Руди, грех против Бога!.. Вдруг она очутилась одна, покинутая! Платье ее было все изорвано о клочки терна, волосы поседели. Тоскливо взглянула она вверх и на скалистом уступе увидела Руди. Она протянула к нему руки, но не смела окликнуть его или обратиться к нему с мольбой о прощении. Да это и не привело бы ни к чему: она скоро заметила, что это был вовсе не Руди, а лишь его охотничья куртка и шляпа, повешенные на альпийскую палку, — чучело, часто устраиваемое охотниками, чтобы обмануть серн. В приливе безграничной скорби Бабетта простонала: «О, лучше бы умереть мне в день моей свадьбы, счастливейший день моей жизни! Боже милосердный, это было бы для меня высшей милостью, величайшим счастьем и для меня, и для Руди! Никто не знает своего будущего!» И, полная скорби и отчаяния, она бросилась в

пропасть. Порвалась струна, прозвучал печальный аккорд!..
Бабетта проснулась; сон кончился и улетучился из ее памяти, но она помнила, что ей снилось что-то страшное, снился молодой англичанин, которого она не видела наяву вот уже несколько месяцев и о котором даже не вспоминала. Пожалуй, он теперь в Монтрэ. Неужели он будет на ее свадьбе?
Легкая гримаса тронула изящный ротик, брови сдвинулись, но скоро в глазах засияла улыбка — солнышко светило так ярко, и завтра ее свадьба!
Сойдя вниз, Бабетта уже нашла там Руди; скоро все трое отправились в Вильнев. Жених и невеста были бесконечно счастливы, мельник просто сиял весь — он был добрый отец, честная душа!
— Теперь мы господа в доме! — сказала комнатная кошка.

XV. КОНЕЦ
Трое счастливцев прибыли в Вильнев еще до наступления вечера. После обеда мельник уселся в кресло, закурил трубку и задремал, а молодая парочка вышла рука об руку из города и направилась по проезжей дороге, проходившей под обросшими кустарником скалами, вдоль голубовато-зеленого озера. Серые стены и громоздкие башни угрюмого Шильонского замка отражались в чистой, прозрачной воде. Маленький островок с тремя акациями лежал совсем близко и смотрелся настоящим букетом, плавающим по озеру.
— Там, должно быть, чудесно! — сказала Бабетта. Ей опять страшно захотелось туда, и желание это могло быть удовлетворено сейчас же.
У берега качалась лодка; ничего не стоило отвязать ее. Позволения просить было не у кого: вблизи не виднелось ни души живой. Руди с Бабеттой, не долго думая, уселись в лодку; грести Руди умел. Весла, точно рыбьи плавники, забирали послушную, легко поддающуюся воду. Послушную! Да, она послушна, гибка и в то же время крепка; чего только ни носит она на своем хребте, чего ни поглощает ее пасть! Она любовно улыбается, на вид — сама мягкость, сама нежность и все же внушает людям страх своей мощной, всесокрушающей силой. Лодка оставляла за собой пенящийся след; через несколько минут она пристала к острову, и молодые люди вышли на берег. Тут можно было даже устроить танцы, но не больше как для одной парочки.
Руди сделал с Бабеттой два-три тура; потом оба уселись на скамеечку под тень развесистых акаций, взялись за руки и долго сидели молча, любовно глядя друг на друга. Все кругом было залито сиянием заходящего солнца. Горные сосновые леса приняли лиловатые оттенки цветущего вереска, голые же выступы скал сияли, словно освещенные изнутри. Облака горели ярким пламенем, озеро алело, как свежий розовый лепесток. Но вот мало-помалу на снежные вершины Савойских скал стали ложиться темно-синие тени; только самые верхние зубцы еще горели, точно раскаленная лава, воскрешая в памяти наблюдателя момент образования самих гор, когда эти раскаленные массы поднялись из недр земли и еще не успели остыть. Руди и Бабетте сдавалось, что они никогда не видели подобного «альпийского зарева». Покрытая снегами Dent du Midi блестела, словно только что выплывший на небосклон полный месяц.
«Какое великолепие. Какое счастье!» — повторяли влюбленные.
— Земля не в состоянии дать мне большего! — сказал Руди. — Такой вечер, как сегодня, стоит целой жизни! И как часто я ощущал такой же прилив счастья, как теперь, и думал, что, если бы даже с этим днем кончилась вся моя жизнь, мне нечего было бы жалеть о том, столько я уже испытал счастья! Но дивно хорош Божий мир! День тот проходил, наступал новый и казался мне еще лучше предыдущего! Господь бесконечно благ, Бабетта!
— Я так счастлива! — сказала она.
— Земля не в состоянии дать мне большего! — повторил Руди.

С гор Савойи, с гор Швейцарии доносился звон вечерних колоколов: на западе стояла в золотом венце темно-синяя Юра.
— Да устроит для тебя Господь все к лучшему! — воскликнула Бабетта.
— Устроит! — сказал Руди. — И это будет завтра! Завтра ты всецело будешь моей! Моей собственной милой женкой!
— Лодка! — вскрикнула вдруг Бабетта.
Лодка, на которой они должны были переправиться обратно, отвязалась и отплыла от острова.
— Я поймаю ее! — сказал Руди, сбросил куртку и сапоги, кинулся в воду и быстрыми взмахами поплыл к лодке.
Прозрачная голубовато-зеленая вода, вытекавшая из горного глетчера, была холодна, как лед, и глубока. Руди бросил в глубину быстрый взгляд, и перед глазами его как будто замелькало, закружилось, засияло золотое колечко, то самое, которое он потерял! Кольцо стало расти, расширилось в сияющий круг, а в середине его заблестел глетчер. Вокруг зияли бездонные пропасти, вода журчала, звеня, словно колокольчики, и сияя голубоватым пламенем. Все, что мы должны описать столькими словами, Руди увидал в одно мгновение ока. Молодые охотники, девушки, женщины и мужчины, некогда провалившиеся в расщелины скал, стояли перед ним как живые, широко раскрыв глаза и улыбаясь, а из глубины, из погребенных под лавинами городов, доносился колокольный звон; молящиеся преклонили колена под сводами церкви; льдины образовали орган, горные потоки загудели... На ясном, прозрачном дне сидела сама Дева Льдов; вот она поднялась к Руди, поцеловала его в ноги, и по телу его пробежал смертельный холод, электрический ток... Огонь и лед!.. При мимолетном прикосновении к ним их ведь не различишь!
«Мой! Мой! — зазвучало вокруг него и в нем самом. — Я целовала тебя еще маленького! Целовала тебя в губы, теперь же целую твои подошвы и пятки — ты весь мой!»
И Руди исчез в ясной синеватой глубине.
В воздухе стояла тишина; последние звуки колоколов замирали в воздухе, а вместе с ними исчезал и последний отблеск вечерней зари на облаках.
«Мой!» — звучало в глубине. «Мой!» — звучало в бесконечной вышине небес.
Блажен вознесшийся от любви к любви — от любви земной к любви небесной! Порвалась струна, прозвучал печальный аккорд, смерть запечатлела на бренной оболочке свой ледяной поцелуй; пролог жизненной драмы кончился; диссонанс разрешился гармоническим аккордом.
Что ж, разве это печальная история?
Бедняжка Бабетта! Для нее это был час ужаса и скорби! Лодку относило все дальше и дальше. Никто на берегу не знал, что жених с невестой отправились на островок. Сумерки все сгущались, облака садились ниже, наступила тьма. Одна, покинутая, несчастная, стояла Бабетта на острове.
Над Юрой, Швейцарией и Савойей разразилась гроза; молнии блистали, удары грома следовали один за другим, раскаты продолжались по несколько минут. Молнии сверкали, как солнечные лучи; на мгновение становилось светло, как днем, и можно было явственно различить каждую тычинку, но затем опять все погружалось в мрак. Молнии бороздили небо, извиваясь по нему хвостами, зигзагами, лентами, ударяли прямо в озеро, и оно вспыхивало то тут, то там; раскаты грома раздавались еще громче благодаря гулкому эху. На противоположном берегу торопливо вытаскивали на землю лодки; все живое спешило куда-нибудь укрыться!.. И вот полил дождь.
— Где же, однако, Руди и Бабетта в такую непогоду? — сказал мельник.
Бабетта сидела, скрестив руки, опустив голову на грудь, онемев от скорби, обессилев от криков и жалоб.
«Там, на дне! — сказала она самой себе. — Глубоко, глубоко под водою, словно погребен в пропасти глетчера!»

И ей вспомнились рассказы Руди о смерти его матери, о том, как его вытащили из ледяного ущелья безжизненным. «Дева Льдов таки поймала его!»

Блеснула ослепительная молния. Бабетта вскочила; озеро на мгновение приподнялось, точно сверкающий глетчер; на нем стояла Дева Льдов, величественная, вся озаренная голубым сиянием, и у ног ее лежало тело Руди!.. «Мой!» — сказала она, и все опять потонуло во мраке. Дождь все лил.

— Ужасно! — стонала Бабетта. — Зачем, зачем было ему умирать как раз на заре нашего счастливейшего дня! Господи, просвети мой ум! Просвети мое сердце! Пути Твои темны для меня! Я не могу уразуметь Твоего всемогущества и мудрости!

И Господь просветил ее: как луч божественного милосердия, мелькнуло в ее мозгу воспоминание — ее последний сон! Он восстал перед нею как наяву; она вспомнила каждое свое слово, вспомнила, чего просила у Бога: «лучшего для себя и для Руди».

— Горе мне! Неужели зародыш греха таился в моем сердце? Неужели мой сон предвещал наше будущее, и нить его жизни должна была порваться ради моего спасения! О, я несчастная!

Так просидела она в слезах всю ночь. Среди глубокой тишины, казалось, звучали еще последние слова Руди: «Большего, высшего счастья земля не может дать мне!» Они были сказаны в минуту блаженства, и теперь она повторяла их в час безысходной скорби.

Прошло два года. Озеро улыбается, берега тоже; в виноградниках висят пышные гроздья; разукрашенные флагами пароходы проплывают мимо; лодочки с распущенными парусами проносятся по зеркальной поверхности, словно бабочки. Железная дорога к Шильонскому замку открыта; она ведет далеко в глубь долины Роны. На каждой станции выходят туристы-иностранцы и сейчас же справляются о местных достопримечательностях в книжке с красным переплетом. Они посещают Шильон, смотрят из его окон на островок с тремя акациями и читают в «Путеводителе» о женихе и невесте, отправившихся туда на лодке однажды вечером, 1856 г., о смерти жениха и о том, что «лишь на следующее утро услышали с берега отчаянные вопли невесты».

Но «Путеводитель» ничего не говорит о замкнутой, тихой жизни Бабетты у своего отца — не на мельнице — там живут теперь чужие, — но в хорошеньком домике близ вокзала. Часто стоит она вечерами у окошка и смотрит через верхушки каштановых деревьев на снежные горы, по которым карабкался когда-то Руди, смотрит на альпийское зарево — сияние распростертых крыл детей солнца, поющих о путнике, с которого ветер сорвал плащ; оболочку унес он, а не самого человека. На снегах горит розовый отблеск зари; ясная заря горит и в каждом человеческом сердце, которое верит, что «Бог все устраивает к лучшему для нас!» Но не всегда это бывает нам открыто, как было открыто во сне Бабетте.